

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Новая холодная война» как концепт и реальность

27 марта 2019 г. в рамках конференции «Поворотные моменты в окончании холодной войны: взгляд с Запада и Востока», организованной РГГУ (факультет международных отношений и зарубежного регионоведения) совместно с Институтом всеобщей истории РАН и в сотрудничестве с Посольством США в РФ и Институтом Кеннана Центра им. Вудро Вильсона, прошел круглый стол «“Новая холодная война” как концепт и реальность». Его вел Ф.А. Лукьянов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике». С короткими докладами выступили: А.А. Громыко, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, директор Института Европы РАН; А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, профессор, ректор РГГУ; В.Н. Гарбузов, д-р ист. наук, профессор, директор Института США и Канады РАН; М.А. Конаровский, ведущий научный сотрудник Московского института международных отношений МИД РФ (МГИМО(У)), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Афганистане (2002–2004); М. Крамер, профессор, директор программы по изучению холодной войны Гарвардского университета; П.Р. Палажченко, руководитель службы международных связей и СМИ Горбачев-Фонда. После выступлений ведущих спикеров состоялась дискуссия, в которой принял участие Дж. Мэтлок, Посол США в СССР (1987–1991).

Публикуем сокращенную стенограмму круглого стола.

Для цитирования: Круглый стол: «Новая холодная война» как концепт и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 37–59.

ROUND TABLE

The “New Cold War” as a concept and as a reality

On March 27, 2019 at the conference “Turning Points in the End of the Cold War: A Look from the West and the East”, organized by the Russian State University for the Humanities (Department of International Relations and Regional Studies) jointly with the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and in collaboration with the US Embassy in the Russian Federation and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center, the roundtable “New Cold War as a Concept and Reality” was held. It was led by F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium

of the Council on Foreign and Defense Policy, Editor-in Chief of the Journal "Russia in Global Affairs". Short presentations were made by: A.A. Gromyko, Dr. of Sci. (History), Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), Professor, Rector of the Russian State University for the Humanities, V.N. Garbuzov, Dr. of Sci. (History), Professor, Director of the Institute for the USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, M.A. Konarovsky, Senior Research Fellow, Moscow Institute of International Relations (MGIMO(U)), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to Afganistan (2002–2004), M. Kramer, Professor, Program Director of the Project on Cold War, Harvard University, P.R. Palazhchenko, Head of International and Media Relations, Gorbachev Foundation. After the reports of the leading speakers, a discussion took place, in which participated J. Matlock, Ambassador of the US to the USSR (1987–1991).

We publish an abridged transcript of the round table.

For citation: (2019) Round table: The "New Cold War" as a concept and as a reality. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 37-59.

А.А. Громыко

Могла ли холодная война закончиться раньше?

Мне представляется, что до сих пор остаются достаточно дискуссионными вопросы о том, когда началась холодная война и могла ли она закончиться раньше. Для выстраивания в середине XX в. структуры долговременного противостояния, получившего название «холодная война», потребовалось несколько лет и череда событий и кризисов. В ее ходе существовало много развилок, неизвестных и переменных, которые исключали какую-либо предопределенность.

В истории классической холодной войны при всей ее сложности и многоликости, на мой взгляд, были два ключевых момента: Кубинский кризис 1962 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое закончилось подписанием Заключительного акта в Хельсинки в 1975 г. Договоренности 1975 г. ознакомили собой пик разрядки, но мне кажется, что свой потенциал эти события раскрыли лишь частично. Почему тогда появилась возможность достичь этой самой разрядки? И вообще, как трактовать этот феномен? Вокруг этого я хотел бы построить свое выступление.

В первой половине 1970-х гг. сам контекст международных отношений подталкивал к поиску большого соглашения. Конечно, эта стратегическая идея советской дипломатии родилась еще во второй половине 1950-х гг., но в ее реализации не меньшую роль сыграли текущие обстоятельства, а именно, если выражаться современным языком, большая дестабилизация: война во Вьетнаме, расшатанный социальный мир в Европе, очередной конфликт между Израилем и арабскими государствами (война Судного дня), первый мировой энергетический кризис, повсеместное нарастание внутриевропейских социально-экономических проблем, заставлявших уходить в отставку президентов и премьер-министров.

Одной из ключевых предпосылок для успеха хельсинкского проекта было решение германского вопроса. Московский договор 1970 г. открыл для этого путь. Одним словом, ведущие державы в те годы пришли к пониманию того, что в их интересах договориться об общих принципах взаимоотношений и создать панъевропейскую переговорную площадку в виде СБСЕ.

Немногие специалисты, особенно за рубежом, помнят о том, что его созыв изначально был инициативой советской дипломатии. В сентябре 1965 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступая на 20-й сессии Генеральной ассамблеи (ГА) ООН и поднимая вопрос о послевоенных границах в Европе, впервые огласил следующий тезис: «Советский Союз последовательно выступает за согласование, объединение усилий европейских государств в интересах безопасности, за развитие сотрудничества между ними на общеевропейской основе». Только позже для непосвященного политического обозревателя станет ясно, что именно в тот период советская дипломатия начала закрытые консультации с другими государствами по идее общеевропейского совещания.

Отношение СССР к значению этой идеи было раскрыто в выступлении советского министра 3 июля 1973 г. в Хельсинки. Он подчеркнул, что впервые в послевоенной истории континента за столом собрались европейские государства, США и Канада. Как известно, это совещание имело три стадии, и кульминационным советский министр заранее назвал третий этап, на котором руководители всех государств – участников этого совещания должны были подписать итоговое соглашение.

Помимо сказанного выше о ситуации в мировых делах необходимо отметить целый ряд благоприятных моментов в международных отношениях для запуска хельсинкского процесса. Это было, естественно, и прекращение войны во Вьетнаме, и достижения на пути сдерживания гонки вооружений, и Договор о нераспростране-

нии ядерного оружия 1968 г., и соглашения о запрете и ликвидации бактериологического и токсинного оружия, и подписание ОСВ-1, и начало консультаций на пути к ОСВ-2. Советский Союз тогда считал, что все эти и другие достижения могут привести к кумулятивному эффекту и позволить развить успех в деле нормализации международных отношений.

30 октября 1973 г. начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. СССР активно призывал выполнить решение ООН, которое в свое время он же и лоббировал, о созыве всемирной конференции по разоружению.

Как никогда были благополучны отношения Москвы с Вашингтоном, Парижем, Бонном, Римом. Вспомним, например, о том, что в октябре 1971 г. Л.И. Брежнев и Ж. Помпиду подписали Договор о принципах сотрудничества между СССР и Францией; а в мае 1972 г. Л.И. Брежнев и Р. Никсон подписали Договор об основах взаимоотношений между СССР и США.

Мне представляется, что принципиальным моментом было то, что Москва рассматривала всю сумму тогдашних обстоятельств в мировых делах как возможность не только сделать холодную войну менее опасной, но вообще ее закончить, достичь нового качества международных отношений. Вот один из тезисов выступления Громыко 3 июля 1973 г.: «Если вдуматься в значение перемен, происходящих в международных делах, осмыслить их направленность, то нельзя не прийти к выводу, что в настоящее время закладываются основы для новых мирных отношений между государствами на исторически обозримый период». В этой же речи была использована редкая для тех времен категория доверия. На им же и поставленный вопрос, какой мы хотим видеть Европу в будущем, Громыко ответил: «Мы стремимся к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили постепенно преодолеть разделение континента на военно-политические группировки, отношения между всеми европейскими государствами должны стать отношениями мирного и взаимовыгодного сотрудничества».

Большие ожидания Москвы, как мне представляется, не были риторическими или сиюминутными. Позволю себе утверждать, что в течение нескольких лет руководство СССР не сомневалось в высоких шансах достичь нового качества международных отношений вплоть до того, чтобы покончить с холодной войной.

Так, в ноябре 1974 г. в докладе министра иностранных дел на торжественном заседании, посвященном 57-й годовщине Октябрьской революции, читаем: «Есть все основания сказать, что в наши дни выходит на более широкий простор процесс перестройки меж-

дународных отношений». И далее: по понятным причинам «особое значение имеет улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами».

В 1973–1975 гг. А.А. Громыко не раз высказывался о холодной войне как о странице прошлого. Так, в том же выступлении в ноябре 1974 г. он заявил: «Мы не должны закрывать глаза на то, что имеются еще влиятельные силы, которым хотелось бы вернуть мир к временам холодной войны». То есть к холодной войне министр относился уже как к прошедшему этапу, или, по крайней мере, он считал, что этот тезис необходимо постоянно и настойчиво оглашать.

Вот еще одна цитата из его доклада в мае 1975 г. на собрании по случаю 20-летия Варшавского договора: «Вспомним, как складывалось положение в Европе и за ее пределами, когда заключался Варшавский договор. То был период холодной войны, навязанной наиболее агрессивными силами империализма». В тексте выступления советского министра иностранных дел на 30-й сессии ГА ООН в сентябре 1975 г. читаем: «Заключительный акт Совещания – один из самых выдающихся документов нашего времени. Итоги Совещания являются тщательно взвешенным балансом интересов всех участников и выражают общие приемлемые договоренности и обоснованные компромиссы. <...> Шаг за шагом избавляются страны Азии, Африки и Латинской Америки от последствий холодной войны с ее уродством в политике...». То есть вновь и вновь звучит мысль о том, что холодная война уже осталась или остается в прошлом.

Эти настроения и ожидания советского руководства продержались достаточно долго. Проходит два года после подписания Заключительного акта в Хельсинки. А.А. Громыко выступает в сентябре 1977 г. на 32-й сессии ГА ООН и приводит цитату из речи Л.И. Брежнева в январе того же года в Туле: «Разрядка – это прежде всего преодоление холодной войны, переход к нормальным, равным отношениям между государствами. Разрядка – это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга».

То есть я хотел бы обратить внимание на то, что в то время для советского руководства, во-первых, разрядка воспринималась не как более благополучный этап холодной войны, а как ее преодоление и, во-вторых, не предполагала снятия мировоззренческих противоречий между системами и вела к установлению тесного сотрудничества в рамках нового модус вивенди, нового равновесия сил, основанного на компромиссах и учете интересов друг друга.

То, как было настроено руководство одной из сверхдержав, на мой взгляд, очень важно с точки зрения вероятности окончания холодной войны в тот период истории. Это была не только риторика и прекраснотушие, но, как мне кажется, и трезвый расчет, основанный на массе фактов и событий. Думается, что в 70-е гг. прошлого века существовало окно возможностей для перевода биполярной системы в новое русло, по отношению к которому выражение «холодная война» действительно могло бы стать устаревшим. Возможно, если бы история пошла несколько другим путем, то следующий период стали бы называть периодом «холодного мира». Но этого не произошло.

Ф.А. Лукьянов

Спасибо большое, Алексей Анатольевич!

Мне очень приятно быть здесь, потому что про холодную войну сейчас говорят все кому не лень, но это понятие превратилось в довольно бессмысленный штамп, которым прикрывают, как мне кажется, непонимание того, что происходит. Вполне естественно человеческое желание найти схему, объясняющую происходящее, среди того набора, который известен и понятен. Мы активно пытаемся это сделать и каждый раз терпим неудачу на данном пути. Особенно сейчас, поскольку при некотором внешнем сходстве ситуации, существовавшей 40 или 50 лет назад, и того, что происходит сегодня, суть событий, как мне представляется, кардинально различается. И мы будем говорить в том числе и об этом.

Прежде чем передать слово А.Б. Безбородову, я зацеплюсь за одну мысль, которую высказал А. Громыко, о том, что советская сторона, по крайней мере на словах, старалась закончить холодную войну задолго до того, как она завершилась, и вернуться к состоянию некой нормы, когда есть более-менее конструктивные отношения. Мне кажется, можно поставить философский вопрос: «А что есть норма?»

А.Б. Безбородов

Проблема войны и мира в геополитике современной России:
2014–2019 гг.

У нас у всех есть общее желание чуть глубже разобраться в комплексе вопросов, связанных с тем понятием, целой эпохой, которая называлась «холодной войной». Я решил попытаться рассмотреть их через фундаментальную для современной эпохи проблему войны

и мира, ибо холодная война все-таки подразумевает какой-то мир, осложняющийся неким противостоянием. Здесь присутствует серьезное противоречие между войной и миром уже на терминологическом уровне. Разрешать это противоречие в современную эпоху приходится в том числе и Российской Федерации.

Руководство страны предлагает действовать упреждающими методами и лишь в крайнем случае использовать военную силу. Это закреплено на уровне оборонной стратегии и концепций безопасности.

Решение проблем национальной безопасности зависит от ответов на экономические вызовы. Мы понимаем, что технологическое развитие России происходит неравномерно. Те, кто отвечает в целом за безопасность страны, имеют в виду определенный секторальный подход при ее обеспечении. Существуют как минимум три сектора, вызывающие интерес. Первый я бы условно назвал демонстрационным, второй – информационно-политическим, а третий – военно-политическим.

В первом случае идет речь о демонстрации технологического уровня нашей оборонной промышленности. Поэтому эта тематика регулярно освещается на страницах любого крупного периодического издания России. Думаю, россияне сегодня знают обо всех современных образцах военной техники нашей страны: «Авангарде», «Сармате», «Пересвете», «Кинжале», «Посейдоне», «Буревестнике», «Цирконе» и т. д. Все это оказывает очень серьезное воздействие и на мир, и на россиян. Это вооружение, пусть и не доведенное до массовых образцов, демонстрирует высокий уровень оборонной промышленности страны и подчеркивает наши технологические возможности.

Важно иметь в виду и второй сектор, информационно-политический. Современная оборонная стратегия США акцентирует внимание на том, что технологическое развитие в ближайшее время будет определять характер войн, с которыми столкнутся не только Россия и США, но и другие страны. Это и составляет суть того, что мы иногда называем вторым изданием холодной войны. В связи с прекращением действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Российская Федерация в своих обращениях к европейским государствам подчеркивает, что наша страна не будет размещать и нацеливать оружие на те из них, которые не будут размещать соответствующее оружие на своей территории. Все это гарантировано с нашей стороны на самом высоком уровне и учитывается в национальном военном и оборонном строительстве. В то же время были сделаны заявления о намерении Российской

Федерации при крайне негативном сценарии развития событий сохранить за собой возможность нанесения удара по пусковым установкам.

И наконец, есть то, что связано с третьим сегментом – военно-политическим, который складывается с учетом геополитической ситуации, которая формируется сегодня вокруг России. Четко просматривается идея оградить страну по всему периметру ее границ, причем при помощи серьезных вооружений и военной техники, а также политических методов. На севере сформирована мощная арктическая группировка, на юге используются пространства стран постсоветского зарубежья и Крымский плацдарм, а на западном направлении учитываются возможности и потенциал Союзного государства Россия – Белоруссия.

Сегодня, говоря о Крыме, мы подчеркиваем не только гражданскую составляющую этой возвратившейся в состав России территории, но и ее очень серьезное военное оснащение, превращающее регион в мощный бастион. Военный потенциал Крыма превосходит, с учетом сложной геополитической ситуации в Черноморском регионе, возможности любого другого региона Российской Федерации. Это во многом оправдано, учитывая наше беспокойство по поводу крымско-украинской границы и региона Донбасса, где обстановка накалена.

Российская Федерация предпринимает усилия по формированию арктической группировки войск, созданию морских и авиационных военных баз, что освещается в специальной литературе по военной и оборонно-промышленной тематике и хорошо известно за рубежом.

Кроме того, есть и серьезный интерес России к Африканскому континенту, а также к Сирии. Все вышесказанное, безусловно, служит важным фактором при формировании и реализации военно-политическим руководством страны упреждающих методов, предотвращающих развитие конфликтных ситуаций в мире.

Ф.А. Лукьянов

Александр Борисович затронул очень много важных аспектов, из которых я бы выделил следующие.

Как раз после холодной войны, на мой взгляд, все очень сильно расслабились и забыли о том, что сердцевиной мироустройства является вопрос войны и мира, вернее вопрос сохранения мира и недопущения войны. И тема реальной возможности войны, кото-

рая неизменно присутствовала в сознании людей 40–50 лет назад, куда-то ушла. А сейчас она стремительно возвращается. Может быть, даже с некоторым перебором. Александр Борисович упомянул в этой связи российский дискурс. Мне представляется, что он стал излишне милитаризованным. Понятно, что это попытка компенсировать отставание в предшествующий период бравыми заявлениями. Но в современном мире грань между заявлениями и делами вообще стерлась. Все это вызывает серьезное беспокойство и наводит на размышления.

С одной стороны, я совершенно с Вами согласен, что смысл дипломатии в эпоху кризисов – посылать очень четкие и понятные сигналы, чтобы ни у кого не было никаких сомнений в серьезности намерений. С другой стороны, мне иногда кажется, что происходящее в международном диалоге сейчас, не только с нашей стороны, а вообще со всех, рассчитано не на внешнего партнера, а на внутреннюю аудиторию. Риторика МИД РФ малоубедительна для внешнего партнера, зато очень хорошо соответствует ожиданиям российского общества. И наши западные коллеги, совершенно не воспринимая заявления российской стороны, говорят то, что обращено прежде всего к гражданам их стран.

На мой взгляд, в этом одно из важнейших отличий нынешней ситуации от периода холодной войны. Внутренняя стабильность общества, которую пытаются обеспечить любыми способами, в том числе и такой мотивацией, становится ключевым моментом. Война вряд ли будет вестись прежними методами на определенном театре военных действий. Главное пространство конфликта сегодня – санкционное давление, которое можно назвать экономической войной. Здесь, к сожалению, Россия находится в ряду более уязвимых участников, чем некоторые другие страны.

В.Н. Гарбузов

Биполярности в современном полицентричном мире

Что касается холодной войны, то она относится к тем явлениям, которые будут всегда вызывать споры историков. Ничего тут не поделать.

Тем не менее в самой холодной войне уже очень много ясного и определенного. Понятно, когда она началась и когда закончилась. Хронологические границы, этапы и апогей холодной войны – Карибский кризис – известны. Даже ее определение дано, и никто против него не возражает. Классическая холодная война – это

глобальная конфронтация двух супердержав на четких идеологических основаниях. Причем она все время эволюционировала. До Карибского кризиса она была одна, а после Карибского кризиса – другая (регулируемая, более предсказуемая). Она и закончилась как регулируемая холодная война. Причем в связи с тем, что одна из супердержав просто перестала существовать. И оказалось, что когда исчезла биполярность, то ушла в прошлое и холодная война. Стало быть, глобальная биполярность – одна из ее характерных черт. Поэтому, называя то, что сейчас происходит, холодной войной, мы действуем по привычке, потому что это удобно. А вообще говоря, классическая холодная война закончилась с распадом Советского Союза.

На мой взгляд, эта война была неизбежна. Среди победителей во Второй мировой войне оказались страны, которые по-разному представляли будущее. Прежде всего Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Кроме всего прочего, СССР должен был создавать сферы своего геополитического влияния, потому что воспоминания о довоенном периоде заставляли его оставаться некой осажденной крепостью. Это провоцировало формирование того порядка, который мы именуем холодной войной.

После ее окончания начинается эпоха 1990-х гг. Иногда я называю ее эпохой упущенных возможностей для нашей страны, потому что это был период наивности и недальновидности. У нас не было людей, которые видели бы дальше своих современников. Существовала детская убежденность в том, что после холодной войны будет новый мировой порядок. Теперь об этом никто не вспоминает.

В том новом миропорядке Россия должна была воспринять те наработки и закономерности, которые существовали на Западе. Иными словами, как любят говорить американцы, Россия должна была вернуться на правильную дорогу истории. И действительно, мы считали западные ценности универсальными. Подобная абсолютизация привела к тому, что часть политической элиты России стала воспринимать такой подход как сдачу позиций. На фоне распада страны, потери территории, союзников и в целом какой-либо геополитической инициативы, конечно, все это расценивалось как поражение. Но и этот период остался в прошлом.

А что представляет собой мир сегодня? Совершенно очевидно, он не биполярный. Мы находимся на начальном этапе формирования многополярного мира. Сколько сейчас у него центров, я не буду говорить. Они разные, это не только государства, но и международные организации, а также квазигосударственные образования. Но

этот полицентричный мир более хаотичен, более беспорядочен, более опасен и менее регулируем, чем он мог бы быть. Это один момент.

Второй момент. Внутри этого полицентричного мира сформировались свои биполярности, хотя их и не надо сравнивать с биполярностями эпохи холодной войны, потому что каждая историческая эпоха индивидуальна. Существует американо-китайская биполярность, пока не глобальная. Но она регулируемая. Эти отношения основаны не только на взаимном отторжении, но и на взаимном притяжении. Идут не только торговые войны, но и диалог. Китай ведь кредитор США. Вот такая интересная модель.

Жизнеспособна ли она? Да, конечно, и может существовать десятилетиями, хотя и будет эволюционировать. Эта модель не обязательно приведет, как многие говорят, к глобальной американо-китайской войне. Диалог спасает от подобного варианта. Может ли произойти переход к глобальной биполярности? Может. А может и не произойти.

Вторая, причем совершенно другая, биполярность – российско-американская. Она не похожа на конфронтацию времен холодной войны. Нынешняя модель отношений России и США формировалась под влиянием переосмысления российским руководством политики 1990-х гг.

Россия находится сейчас в состоянии поиска своих геополитических полей на восточном направлении. Это воспринимается Соединенными Штатами Америки как вызов их собственным константам внешнеполитического поведения. Потому такая реакция, санкции и все прочее.

На мой взгляд, пока такая политика будет продолжаться, будет существовать и биполярность. Поэтому все надежды двухлетней давности на приход Д. Трампа, который ничего не понимает в геополитике, но понимает в экономике и бизнесе, были большой наивностью со стороны российской политической элиты. С Трампом кашу не удавалось сварить два года. И следующие два года тоже не удастся, потому что есть вещи, которые сильнее субъективных желаний, мощнее давления даже такого амбициозного человека, как Трамп.

Возможны ли изменения? Конечно же, поскольку все меняется, может что-то произойти и на этом направлении. Но для этого партнеры должны идти друг другу на уступки. В ходе встречного движения вырабатывается компромисс и меняется модель отношений. Ни та, ни другая сторона, несмотря на все заявления, пока не готова ни к уступкам, ни к компромиссу.

Из этих двух биполярностей американо-китайская, как мне кажется, более конструктивная, потому что, в отличие от российско-американской биполярности, она регулируемая и предполагает диалог. Такой диалог должен быть постоянным и предусматривать деятельность рабочих групп, обсуждение, поиск компромиссов, разработку и подписание документов, действия в соответствии с принятыми договоренностями – все то, что было в годы холодной войны.

Сегодня в отсутствие атмосферы доверия сложно наладить даже элементы диалога, которые могут способствовать регулированию отношений между Россией и США.

В такой ситуации не стоит ожидать в ближайшие два года (до выборов 2020 г.) кардинальных изменений в отношениях между двумя странами. Но это не та холодная война, которая была. Это конфронтация, но не глобальная. И она проводится без институтов конфронтации в таком масштабе, как в годы холодной войны.

Ф.А. Лукьянов

Валерий Николаевич упомянул новый мировой порядок, который очень активно обсуждался на рубеже 1980–1990-х гг. Павел Русланович Палажченко не даст соврать, первым о нем заговорил М.С. Горбачев, по-моему, в 1986 г. Но потом эту идею аккуратно присвоили себе Соединенные Штаты. Причем в интерпретации президента Дж. Буша содержалось совершенно другое значение. На мой взгляд, важно то, что это понятие так и не наполнилось реальным смыслом.

То есть была красивая идея, сначала в советском, потом в американском понимании. Однако никакого содержания механизмов нового мирового порядка предложено и обсуждено не было. Само собой подразумевалось, что Соединенные Штаты стали лидирующей державой и дальше все как-то выстроится, потому что они-то знают, что и как нужно делать. Активно и более предметно говорили о европейском порядке в связи с ОБСЕ, Евросоюзом и его трансформацией. Но о мировом порядке – нет. И только сейчас мы наблюдаем начало серьезного процесса его формирования. А то, что было в промежутке с конца 1980-х гг. до сего времени, никакой не новый мировой порядок, а попытка «натянуть» половину старого мирового порядка на весь мир. И она по вполне объективным причинам не сработала. Так что мы в начале пути.

Михаил Алексеевич Конаровский затронет в своем выступлении важнейшую тему. Афганистан – уже не просто страна, не только проблема, но и метафора.

М.А. Конаровский

Внешние факторы афганского примирения:
тень холодной войны или новые возможности
для сотрудничества

Для американцев тема Афганистана сейчас чрезвычайно важна. Решение президента Д. Трампа о полном выводе военного контингента США из этой страны открывает новую страницу в ее истории, так как ставит проблему формирования нового правительства. В этой связи спецпредставитель Госдепартамента США посол Залмай Халилзад сейчас активно сотрудничает и с центральными властями в Кабуле, и с главной оппозицией в лице Талибана. Халилзад – этнический афганец. Поэтому, наверное, Д. Трамп полагает, что он сможет решить афганские проблемы. Хотя я, честно говоря, в этом не уверен. При всем моем почтении к господину послу.

Если мы посмотрим на Сирию и Афганистан, то увидим, что у нас есть очень много общего с американской стороной. Прежде всего мы озабочены обеспечением стабильности и мира в этих странах. Это необходимо не только для региона, но и для нас самих. Кроме того, и Россия, и США активно борются с международным терроризмом.

При этом фундаментальные противоречия между Россией и США в подходах к решению проблем являются основой всего, что происходит сейчас, и того, что происходило раньше. «Новая холодная война» вырастает из-за непонимания позиций друг друга и нежелания их понять.

Миссия посла Халилзада, его переговоры в Кабуле, встречи с разными международными представителями вселяют, на мой взгляд, определенную надежду на обеспечение мира в Афганистане. Это отвечает интересам всех и может помочь запустить механизм сотрудничества между Россией и США.

В случае формирования коалиционного правительства оно должно будет получить одобрение со стороны не только Соединенных Штатов, но и соседей, которые жизненно заинтересованы в стабилизации ситуации в Афганистане (Китай, Ирана, Пакистана, стран Центральной Азии). Администрация США открыто говорит о необходимости обеспечения регионального консенсуса в отношении будущего Афганистана. Участие в дискуссии об афганском будущем региональных государств может смягчить те противоречия, которые остаются между Соединенными Штатами и Российской Федерацией.

Сейчас, по моим наблюдениям, существует надежда на компромисс по поводу того, какими будут правительство и власть в Кабуле.

Афганская ситуация, требующая хотя бы временного разрешения и умиротворения, открывает реальную возможность для сотрудничества между США и Россией. Не попытаются ли США, как это бывало ранее неоднократно, обойти на повороте своего партнера? Боюсь, что такое может произойти. Тем не менее, я подчеркиваю, ненадолго, но окно возможностей открывается. США и России следует им воспользоваться в более полной мере, чем в прошлом.

В этой связи вспоминаются события после 11 сентября 2001 г., когда могло быть организовано сотрудничество между США и Россией на антитеррористическом направлении. Ведь президент Путин был первым, кто выразил соболезнования президенту Бушу-мл. и полностью его поддержал.

Я вижу в этом упущенную возможность, так как уже в тот период мы могли начать какое-то совместное движение на чрезвычайно сложном афганском направлении. Иногда Афганистан называют «кладбищем империй». И это так: об него очень много раз спотыкались. А сейчас появился шанс не повторить старых ошибок. Что будет потом – я не знаю. Сейчас это не так важно, ведь после формального установления перемирия и нахождения компромиссов между сторонами наступит новый этап, который тоже потребует сотрудничества внешних сил. Смогут ли они опять его начать – посмотрим.

Мне кажется, для России сейчас афганский вопрос тактически и практически гораздо более значим, чем сирийский. Поэтому внимание к афганскому вопросу должно усилиться. И экспертное сообщество способно сказать по этому поводу свое весомое слово.

Ф.А. Лукьянов

Афганистан, помимо того, что был полем сражения холодной войны, внес в международную политику новый элемент, который когда-то казался побочным, а сейчас вышел на первый план. И он не находится под контролем ни Соединенных Штатов, ни России, как не находился до нее под контролем СССР. Я имею в виду радикальный исламизм как военно-политическую силу. Если в прошлом у кого-то были иллюзии по поводу того, что его можно использовать в своих интересах, то сейчас они полностью развеялись. А между тем эта сила набирает влияние и, судя по всему, «новая холодная война», при всей условности этого понятия, будет отличаться от «старой» своей неконтролируемостью. У руководства Соединенных Штатов еще сохраняется надежда, что можно

взять процесс под контроль. Но, судя по всему, ничего из этого не получится. Афганистан – тому пример.

С удовольствием предоставляю слово профессору Крамеру. Наконец-то мы услышим в этой дискуссии американский голос.

М. Крамер

Российско-американские отношения
и метафора «новой холодной войны»

Название нашего круглого стола – ««Новая холодная война» как концепт и реальность». Мне хотелось бы порассуждать и о том, и о другом. Профессор Гарбузов уже говорил на эту тему, но я предлагаю взглянуть на нее под иным углом.

По-моему, холодная война окончилась за два года до распада Советского Союза, в 1989 г. В последние годы многие ученые и журналисты утверждают, что США и Россия были ввергнуты в «новую холодную войну», опубликована масса статей и книг, провозглашающих ее возвращение. Однако, несмотря на то что метафора «новой холодной войны» теперь широко используется, она вводит в заблуждение и не должна служить основой для анализа внешней политики как США, так и России.

Отношения между ними в последние годы были напряженными и иногда даже враждебными, но эти конфликты несопоставимы с противостоянием эпохи холодной войны, продолжавшейся с середины 1940-х гг. до конца 1980-х гг. Она имела три основные характеристики.

Первая: США и Советский Союз были значительно сильнее любых других стран и поэтому часто характеризовались как сверхдержавы или супердержавы.

Вторая: между двумя сверхдержавами существовал глубокий идеологический разрыв, основанный на противопоставлении марксизма-ленинизма и либеральной демократии.

И третья: большие части мира, прежде всего Европа и значительная часть Азии, были разделены на два конкурирующих лагеря во главе с супердержавами. Это раздвоение было предпосылкой для начала разрушительных войн в Восточной Азии, Африке, Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Центральной Америке.

Можно обнаружить несколько исторических периодов, которые напоминают холодную войну. Но период, начавшийся в 2014 г., то есть последние 5 лет, не является одним из них. Все

три основные характеристики холодной войны в настоящее время отсутствуют в международных отношениях.

Во-первых, Россия сейчас не занимает то место в мире, которое занимал Советский Союз. Китай сильнее, прежде всего экономически. США остаются мировой сверхдержавой, а Китай бросает им вызов. Конечно, у России по-прежнему имеется ядерный арсенал, способный нанести катастрофический ущерб США, а огромные запасы природного газа служат рычагом значительного давления на Европу. Тем не менее России не хватает динамизма Китая, и ее общий потенциал не может приблизиться к американскому. Например, даже с поправкой на паритет покупательной способности, российский доход на душу населения составляет всего лишь $\frac{1}{7}$ часть от аналогичного показателя США, а военные расходы России – примерно $\frac{1}{8}$ от американских.

Во-вторых, единственной агрессивной идеологией в мире в настоящее время является радикальный ислам, который популярен лишь у мусульманских меньшинств и никогда не был близок к достижению глобального доминирования. Радикальный ислам никак не связан с напряженностью между Россией и Западом. Хотя Путин иногда говорит об идеологии, особенно когда объясняет внешнеполитические действия, он больше заинтересован в консолидации своей политической власти, чем в разработке последовательной идеологической стратегии, включающей нечто большее, чем общее негодование по поводу западного господства в мире.

И в-третьих, Европа теперь почти полностью включена в НАТО, Европейский союз и другие западные организации. Хотя Украина, Беларусь и Молдова недостаточно глубоко интегрированы в них, а несколько стран на западных Балканах не приняты в НАТО и ЕС, нет ничего подобного тому разрыву, который когда-то существовал между НАТО и Варшавским договором. Почти все европейские страны, которые еще не вступили в западные организации (Босния и Герцеговина, Косово, Македония и другие), стремятся в будущем войти в них.

Иными словами, без этих трех характеристик просто невозможно рассуждать о «новой холодной войне» в научном смысле. Говоря по-английски, сейчас происходит просто *great power rivalry*, т. е. соперничество между великими державами или центрами силы. В современном мире их несколько: Китай, Россия, может быть, Европейский союз в целом или Германия в частности и, конечно, США. Но это не холодная война времен биполярного мира.

Ф.А. Лукьянов

Совершенно согласен с профессором Крамером. Многие отмечают, что формальные параметры, которые определяли противостояние в годы холодной войны, в частности идеологический компонент, сейчас отсутствуют. И это действительно так.

В то же время одна из популярных тем в политической карикатуристике Соединенных Штатов – угроза социализма. Есть масса карикатур, зачастую очень остроумных, о том, как Демократическую партию берут под контроль троцкисты, коммунисты, сандерсисты. И у меня возникает закономерный вопрос: что это за страх такой спустя 30 лет после распада коммунистического Советского Союза? Это первое.

И второе. Профессор Крамер упомянул военное соотношение сил. На самом деле смешно читать и слушать то, что заявляют на Западе о российской угрозе и Путине. НАТО сегодня представляет собой альянс, по своей совокупной военной, политической, экономической, информационной мощи не имеющий аналогов в истории человечества. Откуда эта истерика по поводу того, что «русские что-то разрушают, а мы бессильны это остановить»?

И страх социализма, и страх путинизма проистекает от внутренней неуверенности. Видимо, это и есть самое главное, что отличает сегодняшний мир, поскольку на пике холодной войны каждая из сверхдержав была гораздо более уверена в себе, чем сейчас. Нынешней России это тоже касается, хотя у нас свой генезис неуверенности.

Слово Павлу Руслановичу Палажченко.

П.Р. Палажченко

Лидеры России и США лицом к лицу:
опыт прошлого для современности

Каково значение личных контактов лидеров в отношениях между странами, между великими державами?

Мои мысли на этот счет основаны на собственных впечатлениях 1985–1991 гг. и наблюдениях «со стороны» в последующий период.

Если говорить об этом последующем периоде, то опыт неоднозначный.

Б. Ельцин – Б. Клинтон: с самого начала личная симпатия друг к другу, однако выстроить модель межгосударственных отношений

не удалось. В целом они развивались по нисходящей, с ускорением в конце (Югославия, начало расширения НАТО).

В. Путин – Дж. Буш-мл.: вначале доброжелательность с обеих сторон. На межгосударственном уровне Россия предпринимала шаги, в том числе упреждающие, навстречу США, о которых американцы не просили, предположительно с целью повлиять лично на президента. Однако результата это не дало. Отношения продолжали развиваться по нисходящей, с ускорением в конце (в связи с конфликтом в Грузии). В сухом остатке – США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО. Вышли по-честному. И на том спасибо.

Д. Медведев / В. Путин – Б. Обама: от конструктивного начала и шагов США навстречу России (торможение расширения НАТО, реконфигурация ПРО, выгодный для России договор СНВ) до обвала отношений в 2014 г. Личные отношения – от доброжелательных до резкого похолодания и неприязни, по крайней мере у одной из сторон.

В. Путин – Д. Трамп: взаимная симпатия. Стремление выстроить межгосударственные связи через личные отношения и договориться «по-пацански» о какой-то «большой сделке» (*grand bargain*). Однако отношения продолжают ухудшаться уже более двух лет.

Итак, личные контакты президентов складывались по-разному, но общая тенденция в отношениях между Россией и США, к сожалению, негативная, на протяжении практически всего этого периода сохранялась.

Как это соотносится с опытом 1985–1991 гг.?

Накануне встречи М. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве существовали минимальные ожидания, в том числе в СССР. В статьях аналитиков Г. Арбатова, А. Бовина и других проводилась мысль о том, что с этой администрацией (читай – с этим президентом) ничего не получится, придется ждать следующего.

Первая встреча один на один – острый, идеологизированный «заход» Рейгана (резкая критика марксизма-ленинизма, стремления СССР переделать мир на свой лад). Это крайне необычно для межгосударственных переговоров. Много лет спустя сын американского президента Майкл рассказывал, что Рейган должен был выговориться, он всю жизнь мечтал «все выложить» советскому лидеру. Горбачев сказал членам делегации, что Рейган «настоящий динозавр». Но, когда Л. Замятин стал педалировать эту тему, Горбачев прервал его: «Другого президента у нас нет, его выбрали американцы».

Удалось принять совместное заявление: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей..., стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства».

Надо отметить, что перед саммитом М. Тэтчер и Ф. Миттеран на переговорах с Горбачевым давали позитивную оценку Рейгану как человеку, способному договариваться, несмотря на крайне правые политические позиции. От Тэтчер это было ожидаемо, от Миттерана – в меньшей степени (он ссылаясь на высказывания Рейгана на саммите «Большой семерки» в Хьюстоне).

Однако в целом личные отношения не акцентировались. Они складывались постепенно. Были моменты личных трений, взаимного раздражения, острой реакции на шпионские скандалы, высылку дипломатов, заходы американских кораблей в территориальные воды СССР (и их силовое вытеснение) и т. п. В окружении обоих лидеров находились разные люди, которые давали разную информацию и по-разному пытались на них влиять. Об этом сейчас известно больше, чем тогда. Но лидеры удержали курс. Они были во многом противоположностями, но в этом проявили себя одинаково.

Что их сближало, несмотря на большие различия?

Неприятие ядерного оружия не на риторическом, а на сущностном, можно сказать, «клеточном» уровне.

Готовность к переговорам, компромиссу. Почти текстуальное совпадение некоторых высказываний на этот счет. Посол Дж. Мэтлок цитирует ответ Рейгана на слова одного из советников, что, дескать, «русские не хотят соглашаться с нашими позициями»: «Когда я вел переговоры от имени профсоюза киноактеров, я был доволен, если принимали 60–70% наших позиций». Горбачев, в свою очередь, при подготовке к саммиту 1986 г. в Рейкьявике заметил: «Надо учитывать позицию другой стороны, идти навстречу там, где возможно».

Выстраиванию отношений, в том числе личных, способствовало также планомерное ведение переговоров. Хотя в отношениях все взаимосвязано, нельзя доводить это до абсурда, например когда договоры о СНВ и ПРО увязываются с эмиграцией из СССР. Отсюда договоренность о «повестке дня из четырех пунктов» и создании четырех рабочих групп, которые встречались на регулярной основе: по безопасности и разоружению; региональным проблемам; двусторонним отношениям; гуманитарным проблемам и правам человека. Была дана установка: договариваться там, где возможно, ожидая, что прогресс в любой из областей повлияет на общую атмосферу и будет способствовать прогрессу в других областях.

К моменту встречи Горбачева, Рейгана и Буша-ст. на Губернаторском острове осенью 1988 г. отношения, в том числе и личные, существенно улучшились и стали гораздо более дружелюбными. Некоторые люди из окружения Буша даже говорили, что «два старика» (Р. Рейган и государственный секретарь США Дж. Шульц) что-то слишком расчувствовались. В этом, возможно, одна из причин объявленной администрацией Буша «стратегической переоценки», которая продлилась до мая 1989 г. и привела к потере темпа в отношениях.

В дальнейшем отношения между Горбачевым и Бушем в целом складывались по той же модели, что и прежде (акцент не на «личный контакт», а на работу по конкретным проблемам), подвергаясь большим испытаниям (объединение Германии в 1990 г., кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг.).

Важным моментом в их развитии стала встреча двух президентов в Хельсинки в сентябре 1990 г. в связи со вторжением иракских войск в Кувейт. Стороны договорились координировать усилия для того, чтобы добиться вывода войск. Других целей (например, смены режима) не ставилось. В итоге американские войска не пересекли границу. Лидеры держали свое слово.

Был достигнут невиданный прежде уровень сотрудничества и доверия, в том числе личного. Об этом свидетельствуют опубликованные записи бесед в Ново-Огарево и Мадриде (июль и октябрь 1991 г.).

Несмотря на срыв перестройки (по причинам внутреннего характера) достижения этого периода неоспоримы. В том числе и для чисто прагматических интересов СССР/России. Так, казалось бы, довольно абстрактная договоренность о совместной концепции стратегической стабильности, зафиксированная в Заявлении по итогам визита М. Горбачева в США летом 1990 г., позволила избежать гонки вооружений в области ПРО и гигантских расходов, которые были бы с ней связаны.

Все это происходило без «заглядывания в душу» и метафорических брудершафтов.

Теперь – к выводам.

Очевидно, что для отношений между нашими странами в постконфронтационный период была характерна бóльшая персонализация, чем прежде. Однако это не привело к реальному партнерству.

В целом, мне кажется, как таковая задача налаживания особых личных контактов и тем более использования их для каких-то «прорывов» в отношениях между государствами не должна ставиться. Возможно, от таких попыток больше вреда, чем пользы, потому

что разочарование – довольно опасная вещь, когда речь идет не об отдельных комментаторах, а о руководителях стран.

Взаимопонимание и определенный уровень доверия между лидерами достигается в процессе упорной работы по решению конкретных проблем и преодолению противоречий в межгосударственных отношениях. Разумеется, роль президентов в этом очень велика. Причем речь идет не только о взаимодействии с партнерами по переговорам, но и о работе внутри своей страны. Например, Д. Трампу при его, возможно, хороших намерениях не удалось создать в США ту коалицию за диалог и переговоры, которую в свое время смог сформировать Р. Рейган. Как мне кажется, на этом направлении существуют проблемы и у нас, правда, они другого рода.

Еще раз хочу подчеркнуть: то, что я сказал, не принижает роль личных отношений, а главное, личного вклада лидеров стран. Она была и остается весьма значимой.

Ф.А. Лукьянов

Я полностью согласен с оценочным суждением, прозвучавшим в конце. Действительно, после того как перестал существовать четко структурированный мир, более ощутимо начал проявляться личностный подход. Это касается не только российско-американских отношений. Если мы посмотрим на ярких лидеров современности, то они накладывают свой индивидуальный отпечаток на двусторонние контакты.

При этом в подтверждение того, что сказал П. Палажченко, можно вспомнить случаи, когда между главами государств существовали очень хорошие, даже дружеские, отношения. Скажем, у В. Путина с канцлером ФРГ Г. Шрёдером, премьер-министром Италии С. Берлускони или президентом Франции Ж. Шираком. Однако это никак не изменило характер отношений России с Евросоюзом.

Что касается Рейгана и Трампа, то для политики и даже мировоззрения первого Советский Союз и Горбачев были очень значимыми. Проблема же с Трампом не в том, любит он Путина или нет. Россия ему совершенно не интересна и не нужна, поскольку существуют страны, которые имеют более развитые торгово-экономические отношения с Соединенными Штатами. И именно эти страны для американского президента значительно важнее, чем Россия. При этом все, чем мы так гордимся, наше оружие и ракеты, у него вызывает подростковую реакцию: «Ой, как прикольно!» Вот и все.

Д. Мэтлок

Это была невероятно интересная дискуссия! Столько моментов, которые хотелось бы прокомментировать! Но выделю два особенно важных, раз уж время подходит к концу.

Прежде всего меня поразило замечание профессора Гарбузова о том, что холодная война закончилась с распадом Советского Союза. Думаю, это глубоко неверно и служит основой того широкого непонимания, которое есть сегодня. Холодная война, в смысле поведения по отношению к другому как к врагу или сопернику, закончилась по крайней мере за два года до того, как распался СССР. Мы, дипломаты, сотрудничали с советскими коллегами в интересах обеих стран в 1990–1991 гг. даже более тесно, чем со многими своими союзниками.

Идея о том, что холодная война закончилась с распадом Советского Союза, приводит к мысли, что он перестал существовать, поскольку проиграл эту войну. Следовательно, такие вещи, как пограничные споры между Россией и Украиной, становятся чем-то вроде отрицания Россией итогов холодной войны. Я согласен с профессором Крамером, который сказал, что холодная война окончилась как минимум за два года до распада Советского Союза. От себя добавлю лишь личные воспоминания – иногда они позволяют вдохнуть больше жизни в вопросы, которые мы обсуждаем.

Для меня стало ясно, что холодная война закончилась, во время встречи Дж. Шульца и Э. Шеварднадзе в ООН в октябре 1985 г. [Обращается к Палашенко]: не знаю, переводили ли Вы в тот момент. Как мы часто делали до этого, Шульц вручил Шеварднадзе список нарушений прав человека в СССР. А. Громыко раньше читал нам длинные лекции о том, что это не наше дело. Шеварднадзе же взял листок, посмотрел на Шульца и сказал: «Джордж, я возьму его с собой в Москву, и, если то, что здесь написано, правда, я приложу все усилия, чтобы это исправить». Потом он сделал паузу и добавил: «Я хочу, чтобы Вы кое-что знали. Я делаю это не потому, что Вы меня попросили, а потому, что это необходимо моей стране». Шульц встал и протянул Шеварднадзе руку со словами: «Эдуард, позвольте Вас заверить: я никогда не попрошу вашу страну сделать то, что не в ее интересах». Они пожали друг другу руки. Тогда для этих двух людей холодная война закончилась.

Мogu привести и другие примеры, но после речи Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г. не было больше идеологической холодной войны, потому что он покончил с международной классовой борьбой как основой советской внешней политики.

И еще хочу подчеркнуть, что Рейган был одним из немногих наших президентов, кто понял разницу между Россией и Советским Союзом. Нашим врагом был коммунизм, а не Россия.

Второй момент, который я хотел бы обсудить. Идет ли холодная война сегодня? В плане пропаганды с обеих сторон определено, да. Некоторые говорят, что это даже более опасно, чем во время «классической» холодной войны, поскольку тогда мы не делали друг из друга врагов в том смысле, что мы могли думать о советской системе как об угрозе, но не было той русофобии, которая есть сейчас.

Полагаю, что настоящая проблема – это возвращение к чему-то, что очень напоминает соревнование великих держав. Наши правительства не сделали никаких выводов из прошлого. Соревноваться в том, кто какую территорию контролирует, в ядерный век безрассудно, поскольку может поставить нас всех на грань самоуничтожения. Меня это серьезно беспокоит, и я уверен, что и наше, и следующие поколения, решая международные проблемы, должны сотрудничать.

Я не согласен с тем, что мир когда-то был биполярным. Вряд ли он вообще может таким быть. Если он и был биполярным, то в том смысле, что каждая из наших стран могла уничтожить мир. Это то, что мы хотели сделать? Могли ли мы менять правительства других стран, ход жизни других людей, принуждать их иметь такие же убеждения, как у нас? Нет! Мы не управляли миром, ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз. Это была иллюзия.

Знаете, распад Советского Союза был поражением для дипломатии США и НАТО. Все наши лидеры в то время пытались помочь Горбачеву удержать республики Советского Союза в составе добровольной федерации или конфедерации. У него была поддержка каждого из них. Вот еще одна причина, по которой мы не должны заявлять, что холодная война завершилась с распадом СССР.

Сегодня возросшая напряженность вышла на новый технологический уровень, особенно в военной сфере. И мы не сможем разобраться с возникающими глобальными вызовами и угрозами, если не будем сотрудничать. Другое дело, что одного российско-американского взаимодействия для этого уже недостаточно. Нужна глобальная кооперация, включая Китай и Индию. И к этому я всех призываю!